

Эмануил ИОФФЕ

Профессор БГПУ
им. М. Танка,
доктор исторических наук,
академик, член президиума
Международной академии
изучения национальных
меньшинств

Он работал на нашу бомбу

Смелый 100-километровый рейд 8-й гвардейской механизированной бригады от литовского города Шяуляя к Рижскому заливу вошел золотой страницей в историю Великой Отечественной войны. «Это событие огромной важности,— писал командующий 1-м Прибалтийским фронтом прославленный советский полководец И. Х. Баграмян,— последние сухопутные коммуникации, связывавшие немецкую группу армий «Север» с фашистскими войсками в Восточной Пруссии, были перерезаны». За проведение рейда и достижение крупного боевого успеха комбригу Симону Давидовичу Кремеру 23 августа 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза, а вскоре — генерал-майора танковых войск. После войны Кремер командовал танковыми соединениями. В последние годы жил в Одессе. Любопытно, что генерал, уроженец Гомеля, был почетным гражданином белорусского города Молодечно и латышского города Тукумса.

Довоенная биография героя тоже неординарна. Родился С. Д. Кремер в 1900 году в семье гомельского рабочего, работал в швейной мастерской. В 1917 году вступил в 1-й Гомельский красногвардейский отряд, в гражданскую сражался с белогвардейцами, бандами Булак-Балаховича, польскими войсками. После окончания Военной академии имени Фрунзе служил в штабе механизированного корпуса. И тут в его биографии возникает странное белое пятно и таинственная заграничная командировка...

Дан приказ ему... в Великобританию

В 1936 году Симон Кремер подал заявление в Академию Генерального штаба и его вызвали в Москву. Но попал он не в академию, а в ГРУ (Главное разведывательное управление Генштаба). Принял его сам шеф военной разведки Семен Урицкий и сказал: «Поедешь в Англию помощником военного атташе».

С. Д. КРЕМЕР.

Почему разведчиком и притом в Англию — было непонятно. То ли потому, что Кремер не знал английского (но прекрасно владел немецким), то ли потому, что никогда не работал в разведке. Возможно, по этим причинам совокупно.

В то же время другой разведчик ГРУ Семен Старостин, знавший английский, но не понимавший по-немецки, был отправлен в Швецию, где ему удалось получить доступ к оперативным документам немецкого генерального штаба и потому на ходу пришлось учить новый язык. Интересно, что практически никто из многочисленного аппарата военного атташе в Швеции, ориентированного на Германию как на возможного военного противника, не владел немецким.

Пришлось и Кремеру в Лондоне брать уроки английского. Неисповедимы пути разведки...

А чтобы жизнь Симону Давидовичу не казалась медом, вызвали в Москву его шефа, военного атташе, и Кремер остался один. В те страшные тридцатые годы не спрашивали: куда делся человек и скоро ли вернется? На его глазах «исчез» в Москве Семен Урицкий, пропадали другие сослуживцы и соратники.

Новый военный атташе тоже пробыл в Лондоне недолго, вместо него прибыл другой. Так уж сложилось, что с 1936 по 1942 год сменились шесть начальников Главного разведывательного управления: в год по шефу разведки.

Повезло Симону Кремеру только с послом Иваном Майским, который продержался на посту посла СССР в Великобритании целых одиннадцать лет (1932—1943) — для того времени непостижимо! К моменту приезда Кремера Майский имел большой опыт дипломатической работы и благодаря хорошему образованию, знанию многих языков и общительности обзавелся широкими связями. Эти связи, а также досье Коминтерна помогли пополнить агентурную сеть Кремера ценными кадрами. В основном это были люди, сочувствующие Советскому Союзу, часто они работали бескорыстно, но были и такие, что требовали оплаты.

Среди информаторов значительную долю составляли английские коммунисты. Впрочем, коммунистами они в таком случае формально уже не были: существовал неписанный закон (который тем не менее неукоснительно исполнялся), по которому человек, вступивший в агентурную разведывательную сеть СССР, выходил из национальной компартии, чтобы не скомпрометировать ее в случае своего провала. Однако партийные взносы платились неукоснительно, напрямую в свой ЦК, через секретный отдел.

Однажды Иван Майский предложил Кремеру в качестве информатора генерального секретаря ЦК Компартии Великобритании Гарри Поллита. Немного подумав, Кремер отказался — слишком велика была фигура.

Среди посещавших советское посольство в Лондоне был и доктор Юрген Кучинский — один из руководителей Компартии Германии. После прихода к власти Гитлера Кучинский эмигрировал в Англию и в годы войны работал там в Бюро по стратегии бомбовых ударов США. В одно из посещений Ю. Кучинским советского посольства Майский познакомил его с Кремером. Информация о службе стратегической разведки США, которую сообщил Юрген, не очень заинтересовала военного разведчика. Но в конце беседы Кучинский сказал:

— Мой товарищ Клаус Фукс работает сейчас в английском центре ядерных исследований. Он хочет помочь СССР и уже обращался ко мне с просьбой свести его с нужными людьми.

В 1941 году никто не давал задания Симону Кремеру обременять себя ядерными проблемами. Тогда в СССР ни один из высших руководителей страны и ГРУ вплотную не занимался ими, хотя советская наука имела в этой области определенные достижения. О возможностях атомной бомбы толком не знали и военные, даже генералитет, но Кремера чутье разведчика не подвело.

Поздней ночью Симон Кремер сел в маленький автомобиль и оказался на одной из улочек западного Лондона.

Клаус ответил ему на пароль по-немецки и сразу же приступил к делу:

— Я в курсе всех исследований США, Англии и Германии. Я хорошо знаю, что делают фашисты по атомной бомбе. Вы у себя в СССР сильно отстали...

Кремер разглядывал Клауса Фукса и удивлялся невыразительности его лица и смелости его мыслей.

— Я хочу вам помочь, — продолжал Фукс. — Вам нужно подтянуться и быть впереди Гитлера, иначе вам капут.

Он помолчал и потом добавил тихо:

— Но при одном условии: все, что я передам, должно попасть на стол к Сталину.

— У меня нет прямой связи со Сталиным, — ответил Кремер. — Но я обещаю, что ему обязательно доложат...

Потом он попросил Фукса рассказать о его деятельности в центре ядерных исследований, о его прошлом и планах на будущее. Предложил Клаусу Фуксу деньги за информацию.

— Спасибо, не надо, — отказался Фукс. — Мне достаточно хорошо платят в агентуре (Фукс получал тогда 270 фунтов в год).

— Почему вы решились на этот опасный и нелегкий шаг? — поинтересовался Кремер.

— Ваша страна должна иметь свою бомбу для противовеса, — твердо отвечал Фукс, — иначе ей не выжить.

В следующую встречу, которая состоялась также ночью, доктор Фукс передал военному разведчику большой блокнот:

— Мне очень важно знать, как оценят мои материалы ваши ученые.

Блокнот Фукса Кремер отправил в Москву дипломатической почтой. От Директора — начальника ГРУ — пришла категорическая радиограмма: «Связи с

Фуксом не терять!» Москва заинтересовалась сообщениями доктора Фукса. Его конкретные материалы стали большим подспорьем и подтверждением более общей информации, которая годом раньше начала поступать через разведку НКВД от других источников...

Один из «Красной капеллы»

В 1997 году в Москве вышли воспоминания генерал-лейтенанта Павла Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы». В ней есть такие строки: «В 1943 году, как пишет один из участников операции нашей разведки по атомной проблеме Феклисов, Оппенгеймер предложил включить Клауса Фукса в состав группы английских специалистов, прибывавшей в Лос-Аламос для участия в работе над атомной бомбой. В 1933 году немецкий коммунист Фукс вынужден был искать убежище в Англии. Получив в Бристольском университете образование, он продолжал работать там как физик. В 1941 году Фукс сообщил о своем участии в атомных исследованиях видному деятелю коммунистического и рабочего движения Юргену Кучинскому. Кучинский проинформировал нашего посла в Англии Майского. Майский был в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне Горским и поэтому поручил военному атташе Кремеру войти в контакт с Фуксом. Фукс сначала встречался с Урсолой Кучински (Соня), агентом военной разведки, одним из организаторов сети “Красная капелла”...»

По-разному описывают эту историю в западной литературе. Вот как выглядит она в публикации Роберта Вильямса: «Фукс постарался пробиться в советское посольство... Его направили к человеку, который назвал себя Александром... Александр руководил группой Сони. Это был Кремер... Если доклады поступали в виде математических выкладок, то она (Соня) передавала их Кремеру в Лондоне, поскольку он имел связь с Москвой посредством дипломатической почты, а также по радиосвязи...»

А вот сам Симон Кремер своему коллеге — разведчику Станиславу Пестову, автору книги «Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней» (*Санкт-Петербург. 1995*), в конце 80-х годов, незадолго до своей смерти, рассказывал, что все они тогда ходили по лезвию ножа.

Опасения Кремера были не напрасными: множество перебежчиков из разведки в те времена сотрудничали со спецслужбами Запада. В списках, которые попали в руки английской контрразведки, значилась и фамилия Симона Давидовича, имелся компромат и на Фукса. И все-таки их встречи не попали в поле наблюдения «Интеллидженс сервис».

«Было такое правило: не встречаться в одном месте два раза. Я получил от Фукса материалы, в которых было много формул, цифр, расчетов. В основном это были собственные исследования, копии обзоров и докладов Фукса. Все это я сам отослал в Москву дипломатической почтой. Никаких материалов Соне я не давал, с ней никогда не встречался, да и вообще — о ней тогда я ничего не знал. Тем более не мог я руководить группой Сони», — вспоминал Кремер.

В жизни встречаются такие вещи, какие не придумаешь ни в одном романе. Так уж получилось, что позже, в годы войны, в составе 8-й механизированной бригады, которой командовал С. Д. Кремер, сражался сын маршала Рокоссовского от первой его жены — Рафаил Сусликов. Однажды во время войны он достал из гимнастерки фото своей матери — певицы Анны Сусликовой и начал его разглядывать. Вдруг подошел комбриг Симон Кремер и спросил: «А это кто?» — «Моя мама». — «Так это же Аннушка!» И, не вдаваясь в секреты разведки, комбриг рассказал случай из практики, когда служил военным атташе в

Англии. Анна Сусликова была внедрена службой безопасности в труппу артистов, приехавших в Лондон. На одном из концертов она исполняла песню «Отвори поскорее калитку». Это были позывные для Кремера. На следующий день они встретились у могилы Карла Маркса и Кремер передал ей важную микропленку. Анна Сусликова спрятала ее и перевезла в Россию. Из-за того задания она не смогла быть с Константином Константиновичем Рокоссовским в Сталинграде.

...За время работы в Лондоне Кремер ни разу не чувствовал себя обойденным вниманием. За ним следили как агенты «Интеллидженс сервис», так и свои. Однажды приезжал с проверкой один из руководителей агентурного управления ГРУ Михаил Мильштейн. Был и сам Директор — генерал Филипп Голиков.

Но особенно Кремеру досаждал «сосед» (так военные разведчики называли сотрудников НКВД). Его в посольстве прозвали Берией. В Лондоне Симон Давидович арендовал дом, в котором жил с женой Евгенией и двумя детьми. «Берия» однажды проник в дом и устроил повальный обыск. Вообще он постоянно лез в чужие дела, не стеснялся подслушивать и подсматривать. А Кремеру часто говорил:

— Пора уезжать отсюда, выходишь на мои связи.

Угроза была вполне реальной — в Москву мог последовать донос опасного конкурента, который потом не опровергнуть. Поэтому во время приезда Директора в Лондон Кремер попросил забрать его с собой. Филипп Иванович пообещал, но все произошло иначе.

Сталин настаивал на приезде Черчилля в Москву для решения вопроса об открытии второго фронта. Черчиллю должен был сопровождать из Лондона прибывший туда генерал Исаев, а переводчиком генерал назначил Кремера. Вместе с ними из Лондона летел и генерал де Голль. По-видимому, Черчилль был осведомлен своими спецслужбами об истинной роли Кремера. Поэтому он все время ворчал, что Симон Давидович плохо переводит, не в пример Майскому. И в разговоре в основном участвовали Исаев и де Голль.

По приезде в Москву Кремера стали по ночам вызывать на допросы к Берии, где его спрашивали: что говорил Исаев де Голлю и кто кому какие намеки делал?

Симон Давидович почувствовал, что петля затягивается, и решил бежать на фронт. Но по сложившейся тогда практике работники зарубежной разведки на передовую не допускались, ибо считалось, что они там могут попасть в плен и выдать гестаповцам все мыслимые и немыслимые секреты.

С большим трудом, благодаря своей настойчивости и «по благу», через знакомого генерала Кремер устроился руководителем факультета в Военном институте иностранных языков. Оттуда через год ему и удалось попасть на фронт.

Новый Директор (Федор Кузнецов, сменивший Голикова) разыскал после войны Кремера с целью пригласить его снова на службу в ГРУ. Но в военную разведку тот больше не вернулся.

Кремер умер в 1990 году в 90-летнем возрасте.